

Текст · 22 марта 2023, 08:20

Анна Павлова, Дата-отдел,

500 «пятисотых». С начала мобилизации в военные суды поступило больше полутысячи дел против отказников — исследование «Медиазоны»

Краткое содержание

Мы изучили уголовные дела против военных. Главное, что мы узнали:

- В гарнизонные суды поступили уже 536 дел по статьям, ужесточенным после мобилизации: это самовольное оставление части, неисполнение приказа, дезертирство и другие. По 247 из них уже вынесены приговоры.
- Дел с каждым месяцем все больше, неполный март уже стал рекордным.
- Самое распространенное обвинение — самовольное оставление части: 471 дело в суде; больше чем в половине случаев солдат отсутствовал больше месяца (249 дел).
- Показательные суды над отказниками и беглецами используют для запугивания других военных: солдат задерживают перед строем, приговоры оглашают в воинских частях, а судьи проводят «профилактические беседы».
- От общества такие дела, наоборот, скрывают: приговоры обычно не публикуют, часто не сообщают даже сроки наказания, статистику удаляют под предлогом секретности.
- Многие военные — больше трети известных приговоров по статье о самоволке — получают условные сроки. Это позволяет снова отправить их на фронт.
- Тех, кто не бежит, а открыто отказывается ехать на войну, обвиняют в неисполнении приказа — число таких подсудимых тоже растет (сейчас в судах 25 дел).
- Это лучший вариант для отказников: сроки за неисполнение приказа ниже, чем по другим мобилизационным статьям. Мы отдельно публикуем [советы юристов](#), которые объясняют, какую статью лучше выбрать.

«Рядовой Селиванов, ко мне!» — **командует** офицер. Перед ним на плацу выстроились солдаты.

Из строя выходит молодой человек. Когда солдат приближается к командиру, на его место заступает другой мужчина. Он представляется военным следователем и объявляет, что 16 ноября против мобилизованного Алексея Селиванова возбуждено дело по части 2.1 статьи 332 УК — она наказывает неисполнение приказа «в условиях вооруженного конфликта» или «отказ от участия в военных или боевых действиях». Следователь тихо объясняет, что сейчас военного задержат. Он просит сотрудника военной полиции доставить солдата в отдел.

«Конвой, произвести задержание!» — рывкает тот, и к переминающемуся Селиванову подбегают вооруженные полицейские. Ему сильно заламывают руки и через весь строй ведут к машине, там ставят на растяжку, грубо расталкивая ноги, обыскивают, надевают наручники и сажают в «стакан»^[1].

Следом из строя вызывают еще одного военного — рядового Юрия Дегтярева. Все повторяется, разве что задерживают^[2] отказника не так грубо. Его жена Татьяна Дегтярева потом **говорила**, что супруг действительно отказался идти «на передовую», откуда «только вернулся». Дегтярева мобилизовали 22 сентября, боевого опыта у него не было, но уже через две недели — фактически без подготовки — он оказался на передовой в Луганской области. Позже, говорила жена, когда Юрия и других военных вывезли в Белгородскую область, он, несмотря на запугивания, отказался «идти снова пушечным мясом».

Уже в декабре Курский гарнизонный военный суд назначил обоим мобилизованным по 3 года лишения свободы. Обвинение ужесточили, квалифицировав их отказ воевать как групповое невыполнение приказа^[3].

По всей России гарнизонные суды рассматривают уже сотни дел об отказе воевать «в период мобилизации» — и с каждым месяцем подсудимых становится все больше.

«Медиазона» изучила^[4], кого и как судят по статьям, ужесточенным после 21 сентября 2022 года: это неисполнение приказа, самовольное оставление части, дезертирство, избиение командира и некоторые другие.

Мы выяснили, что такие суды стараются делать показательными для военных и одновременно скрывать от гражданских. Что часто — около 40% известных приговоров — военные получают условные сроки и с ними рискуют снова попасть на фронт. Что самое распространенное обвинение — самовольное оставление части, но более выгодная для отказника стратегия — открытое невыполнение приказа еще до отправки в Украину.

Суды над отказниками делают показательными, запугивая так других военных

Задержание перед строем не случайность и не единичный случай. Уголовные дела и суды над отказавшимися воевать вообще стараются делать максимально показательными для их сослуживцев — нередко приговор оглашают прямо в воинских частях (иногда там идет и весь процесс).

Из пресс-релизов судов можно узнать, что сослуживцев зовут на заседания «в профилактических целях», а судьи потом проводят «профилактические беседы» с военными, объясняя, чем им грозит совершение «преступлений в период объявления частичной мобилизации».

Пресс-служба Красноярского военного суда даже опубликовала [фото](#) такого показательного процесса: на сцене стоят судья, прокуроры и сам обвиняемый, их лица заблюрены, а в зале спинами к камере около 50 военнослужащих. В [Туле](#) «при оглашении приговора присутствовал командный состав воинской части и более 300 военнослужащих, проходящих военную службу по призыву», а в [Екатеринбурге](#) и [Южно-Сахалинске](#) после оглашения приговора проводили с солдатами беседы «об уголовной ответственности за совершение преступлений против военной службы».

«У нас показательные суды проходили в клубе при части. Собираются офицеры из каждого подразделения, какое-то количество контрактников, где-то срочники. Столы составляются, приезжает судья в мантии. И ну очень скучно проходит, потом: "Вам понятно?" — "Да, все понятно, ваша честь". Конечно, это делается в целях агитации. Конечно, командование потом это будет использовать», — рассказывает старший лейтенант Дмитрий Василец. Сам он тоже обвиняется в неисполнении приказа^[5] за свой отказ от участия в военных действиях.

Председатель гарнизонного суда в Курске, [рассказывая](#) «Медиазоне» о деле Дегтярева и

Селиванова, отметил, что информация об уголовных делах против военных «очень деликатная», поэтому они «особо не афишируются», и одновременно подчеркнул, что заседания были открытыми и «в присутствии личного состава».

Юрист коалиции «Призыв к совести» Иван Мирный-^[6] подтверждает, что суды действительно закрывают «для внешней аудитории», но зато активно распространяют информацию о них внутри армии.

«Отправляют телеграммы командирам воинских частей: такого-то приговорили к 5 годам лишения свободы за самовольное оставление части свыше 10 дней в период мобилизации, просим довести до сведения личного состава, — говорит юрист. — Это, конечно, используется для запугивания. Эти приговоры вешаются на стендах воинских частей, про них рассказывают в клубах военных. Но для всех остальных, чтобы, видимо, не обсуждались эти репрессии и чтобы скрыть собственные проблемы с дисциплиной в армии, они это не публикуют».

В военные суды поступили уже 536 дел против отказников

Количество дел против военных-отказников **начало расти** с лета, но большую часть возбудили уже после объявления мобилизации. Российские солдаты — как мобилизованные, так и контрактники — массово бегут из частей или отказываются исполнять приказы командиров об отправке на фронт. В армии отказников часто называют «пятисотыми» — по аналогии с ранеными «трехсотыми» и погибшими «двухсотыми».

В конце сентября статьи из военной части Уголовного кодекса дополнили новыми частями о преступлениях, совершенных в период мобилизации или боевых действий^[7]. Сроки значительно ужесточили, например, максимальное наказание за самовольное оставление части увеличили в два раза, с пяти лет до десяти.

Процессы по новым статьям начались уже в ноябре. «Медиазона» обнаружила, что к 21 марта в военные суды по всей стране поступили уже 536 таких дел. По ним судят 548 солдат (некоторые дела коллективные).

Embed Wrapper Not Realised

Embed Wrapper Not Realised

Embed Comment Not Realised

В половине случаев — 247 дел — уже вынесены приговоры. Но узнать подробности дела и то, какое именно наказание назначил суд, довольно сложно.

Секретные процессы. Суды скрывают дела отказников и вынесенные приговоры

Многие военные суды закрывают процессы, объясняя это указом Минобороны о секретности. Например, в Калининграде и Петербурге именно под таким предлогом корреспондентам «Медиазоны» не позволили присутствовать на заседаниях.

«Данные дела были рассмотрены в закрытых судебных заседаниях, и информация, которая содержится в них, является закрытой», — сказали в пресс-службе Калининградского военного суда уже по телефону. При этом Калининградская область — один из лидеров по числу переданных в суд дел: там идут (или уже завершились) 27 процессов

над военными. Больше дел поступило только в гарнизонные суды Московской области (40 дел).

В декабре, сославшись на закрытый режим, судья Мурманского гарнизонного суда Виталий Загорский **отказался** сообщить, какое наказание вынесли военному Максиму Малышеву. Его обвиняли в дезертирстве в период мобилизации и покушении на незаконное пересечение границы.

«Преступление, которое он совершил, резонансное с точки зрения настоящих событий, которые сейчас происходят, — сказал судья. — И чтобы утечки информации не было, чтобы потом в какой-то, извините меня, Пиндосии на своем канале они не рассказывали, что творят у нас эти лица, я закрыл процесс, вот и все».

«Медиазона» обнаружила, что только в 25 случаях военные суды выложили тексты приговоров (из 247 вынесенных). В 44 случаях назначенные сроки наказания были указаны в пресс-релизах судов^[8] — почти все они касались дел о самовольном оставлении части. Как правило, пресс-релизы ограничиваются скудными формулировками о том, что военный без уважительных причин решил «уклониться от военной службы», ушел из части и «проводил время по своему усмотрению».

В 224-м гарнизонном суде Петербурга корреспондентке «Медиазоны» сказали, что, возможно, тексты приговоров опубликуют после их вступления в силу, но это не точно, поскольку «они дээспэшные^[9]». В Ивановском гарнизонном суде

уточнили, что приговоры военным теперь не будут публиковать вообще из-за «специальной военной операции». «Приказ министра обороны. Некоторые сведения не публикуются», — сказала сотрудница пресс-службы.

В январе «Медиазона» [заметила](#), что Верховный суд России в статистике о работе судов перестал публиковать данные о том, сколько человек были осуждены или оправданы по делам о преступлениях против военной службы. Судебный департамент объяснил это приказами [Минобороны](#) и [ФСБ](#) о засекречивании сведений, которые «при их получении иностранными источниками могут быть использованы против безопасности Российской Федерации».

В других военных судах, кажется, намеренно не афишируют именно процессы по мобилизационным статьям УК. Например, на сайте Оренбургского гарнизонного военного суда раньше часто появлялись пресс-релизы о приговорах по делам о самовольном оставлении части (даже до вступления их в законную силу), теперь же там в основном [сообщения](#) о военных, наказанных за нетрезвое вождение.

Нередко даже адвокаты осужденных военных опасаются называть сроки наказания, объясняя, что с них взяли подписку о неразглашении. «Все дело — адвокатская тайна. И делу присвоен гриф ДСП^[10], и оно не подлежит, — сказал адвокат

Алексей Синявский, защищавший одного из военных, [обвинявшихся](#) в групповом неисполнении приказа в Новочеркасске. — Все участники предупреждены об

ответственности за разглашение данных. И заседания проходили в закрытом режиме — суд так решил».

Иван Мирный из «Призыва к совести» добавляет, что публичности часто не хотят и сами военные: «У многих адвокаты по назначению, которые говорят, что надо сидеть тихо и говорить, что готов поехать на войну. И они, конечно, никакой огласки не хотят».

Даже в редких опубликованных приговорах войну почти не упоминают, а обстоятельства дел описывают крайне скупо. Например, в приговоре Абаканского гарнизонного военного суда, вероятно, это упоминание просто вырезали. Маадыр Ондар, говорится в нем, покинул «полевой лагерь» еще летом, а 6 октября сам пришел в военную комендатуру в городе Кызыл, в итоге суд назначил^[11] ему условный срок. В приговоре уточняется, что Ондар «намерен далее продолжить военную службу, готов вновь участвовать .» — вместо продолжения фразы в тексте стоит пробел перед точкой. Осужденные с условным сроком и правда возвращаются на фронт, об этом мы подробнее говорим в другой главе.

ПРИГОВОР
ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

9 февраля 2023 г. г. Балтийск

Балтийский гарнизонный военный суд в составе: председательствующего – судьи Митрофанова А.А., при секретаре судебного заседания Матузовой О.Р., с участием государственного обвинителя – помощника военного прокурора Балтийского гарнизона <иные данные> Злобина М.Ю., защитника – адвоката Бахтиной М.А., представившей удостоверение №XXX и ордер № XXX от XX XX XX г., рассмотрев в закрытом судебном заседании, в помещении военного суда, уголовное дело в отношении военнослужащего войсковой части <иные данные> матроса

Холода Виктора Олеговича, <иные данные>

обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3.1 ст. 337 УК РФ, и двух преступлений, предусмотренных ч. 2.1 ст. 337 УК РФ,

установил:

<иные данные>

Даже в опубликованных приговорах остается не очень много информации. Скриншот с [сайта](#) Балтийского гарнизонного военного суда

Исключения редки. Например, в [приговоре](#) Руслану Ахметову сказано, что тот участвовал в «специальной военной операции», был ранен, а после лечения не вернулся в часть в Бурятии — остался дома-^[12] ухаживать за больным отцом. В Следственный комитет Ахметов пришел добровольно уже после начала мобилизации.

В итоге его осудили^[13] в Омске по двум эпизодам самовольного оставления части — это вообще самое распространенное обвинение по мобилизационным уголовным делам.

Медиазона

Дела по мобилизационным статьям УК в судах

Всего к 21 марта — 536 дел (247 приговоров уже вынесено)

Самовольное оставление части (337 УК)	471
Неисполнение приказа (332 УК)	25
Применение насилия к командиру (334 УК)	21
Дезертирство (338 УК)	14
Другие статьи	5

Данные: сайты гарнизонных военных судов

Уехать в Сочи. Большинство отказников судят за самовольное оставление части — они просто уходят от войны

Абсолютное большинство обнаруженных «Медиазоной» на сайтах военных судов дел — 471 случай из 536 — расследовалось по статье 337 УК. Это самовольное оставление части или, как называют самоволку сами военные, СОЧи. О таких говорят: «Уехал в Сочи».

Скрываются от службы обычно у родственников или друзей. Но бывают и удивительные исключения, например мобилизованный Виталий Рязанов. Он перелез через забор военной части во Владимирской области и сбежал, а потом 12 дней жил в баре «Славянка» в городе Ковров. Сотрудница заведения в суде [рассказывала](#), что военный ^[14]«употреблял спиртные напитки и спал в зале бара», пока 30 октября за ним не пришла военная полиция.

Другие мобилизованные из его части к тому времени уже отправились в приграничную Белгородскую область, а потом и в Украину. Рязанов же 10 января получил 2 года колонии-поселения. Спустя

две недели на 1,5 года осудили его сослуживца Григория Титова. Он сбежал из той же части в начале ноября, пьянствовал в Коврове и через десять дней военная полиция нашла его все в том же баре «Славянка». В суде командир говорил, что побег Титова обусловлен «его слабой дисциплиной и желанием празднично провести время».

Мотивы, по которым военные бегут из частей, на сайтах судов обычно не раскрывают. Узнать об этом можно только косвенно — от адвокатов или пресс-секретарей, готовых все же поделиться информацией.

К примеру, башкирский военнослужащий Салават Мирасов, заключивший контракт незадолго до вторжения в Украину, как писал «Коммерсант» со ссылкой на приговор, в июле ушел из части, «не желая участвовать в специальной военной операции». Но уже в октябре — после объявления мобилизации — он сам пришел в военкомат. Суд назначил ему 3,5 года колонии.

Иногда военные объясняют отсутствие на службе проблемами в семье. Например, в деле военного Дмитрия Яковлева, которому суд в Татарстане назначил 3 года в колонии-поселении, смягчающими обстоятельствами стало то, что он покинул часть из-за больной матери. «Он ушел из части 5 июля, а 27 сентября его задержали. Там свои нюансы, у него все так плачевно. И несовершеннолетние братишки и сестренки, и мама лежащая, и отца нет», — сказала «Медиазоне» сотрудница суда.

22-летний младший сержант Иван Медведев из Свердловской области, интересы которого представляет адвокат Максим Гребенюк, стал **обвиняемым** после того, как уехал из части в Подмосковье. В марте 2022 года Медведев был ранен в грудь на войне и проходил лечение. Потом узнал, что его опекуну с инвалидностью нужен уход. Медведев имел право на отпуск, но его рапорты игнорировали, говорит адвокат. В конце прошлого года военный покинул часть самостоятельно.

«Здесь бездушные командиров элементарно, они даже не рассматривали его рапорты. Видимо, там был какой-то неформальный запрет вообще всех в отпуску отпускать, — предполагает Гребенюк. — Скорее всего, конечно, собирались его отправлять [в Украину], в связи с этим не отпускали. Но если они ему официально и обоснованно не дали отказ и приказ ехать туда в то же время не дали, то они должны были тогда ему дать отпуск».

Адвокат^[15] военного, которому за двое суток прогула назначили год условно, отмечает, что часто военнослужащими движет «банальная дурость» — к девушке решил съездить или загулял, не думая о последствиях. В таких случаях наказание вряд ли будет суровым.

Если же военный или мобилизованный покинул часть именно для того, чтобы избежать отправки на фронт, и не увиливая говорит об этом в суде, то наверняка будет «реальная посадка», рассуждает защитник: «Я думаю, именно под этим понимается уровень общественной опасности: кто-то понимал, ради чего он выходит [из части] — чтобы завтра на борт не сесть туда. Или человек к девушке, условно говоря, ушел».

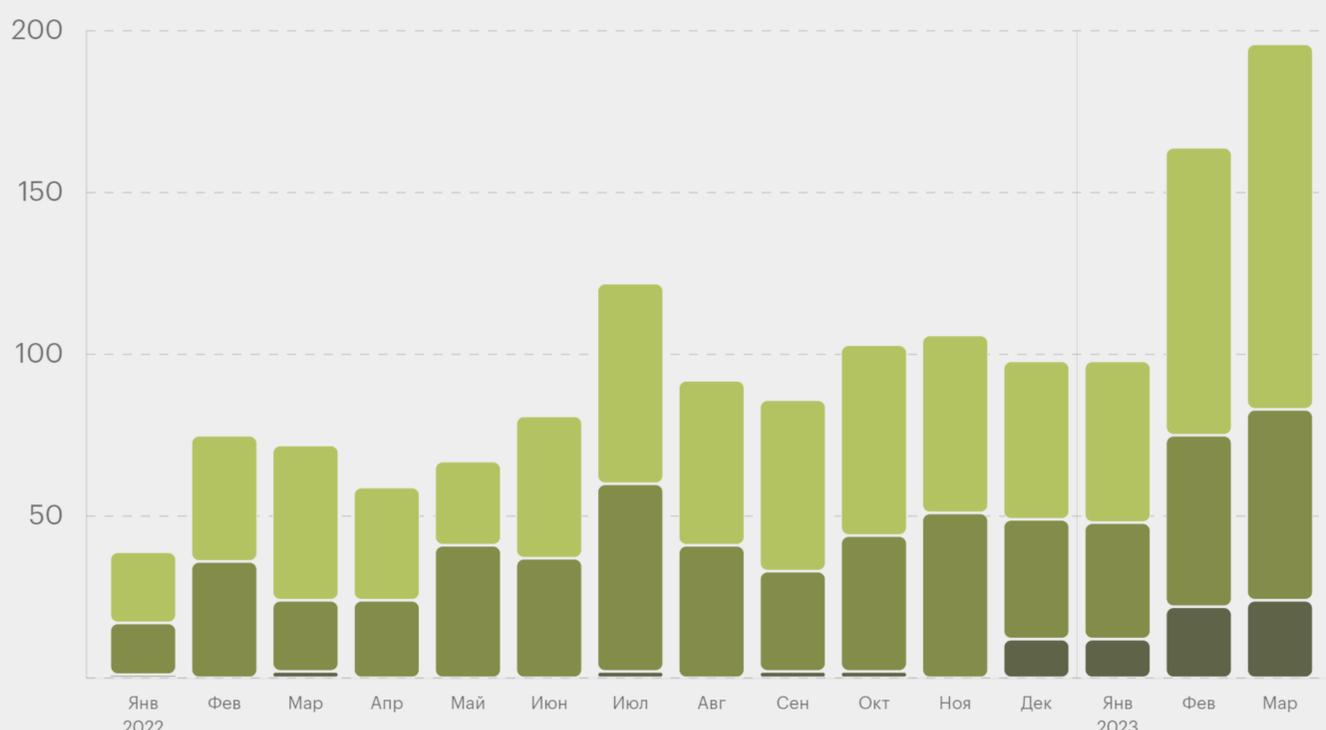
Собеседник «Медиазоны» отмечает, что сейчас у судов нет единой позиции, поскольку практика по этим новым статьям только формируется.

Отказник Дмитрий Василец говорит, что в мурманской части, где он служит, сейчас немало тех, кто подался в бега, и их заметно больше, чем в мирное время. «Я думаю, конечно, это связано с нежеланием ехать туда, люди, как я думаю, за свою жизнь переживают, — говорит он. — В мирное время "сочинцев", допустим, примерно было несколько человек, а сейчас — несколько десятков».

Сколько обвиняемые военные отсутствовали в части

Медиазона

■ От 2 до 10 суток   ■ От 10 суток до месяца   ■ Больше месяца

Данные: сайты гарнизонных военных судов. Данные по состоянию на 20 марта 2023. Приводятся данные как по самоволке в период мобилизации, так и до него

Сочинские сроки. Наказание жестче, но часто оно условное — это позволяет снова отправить солдата на фронт

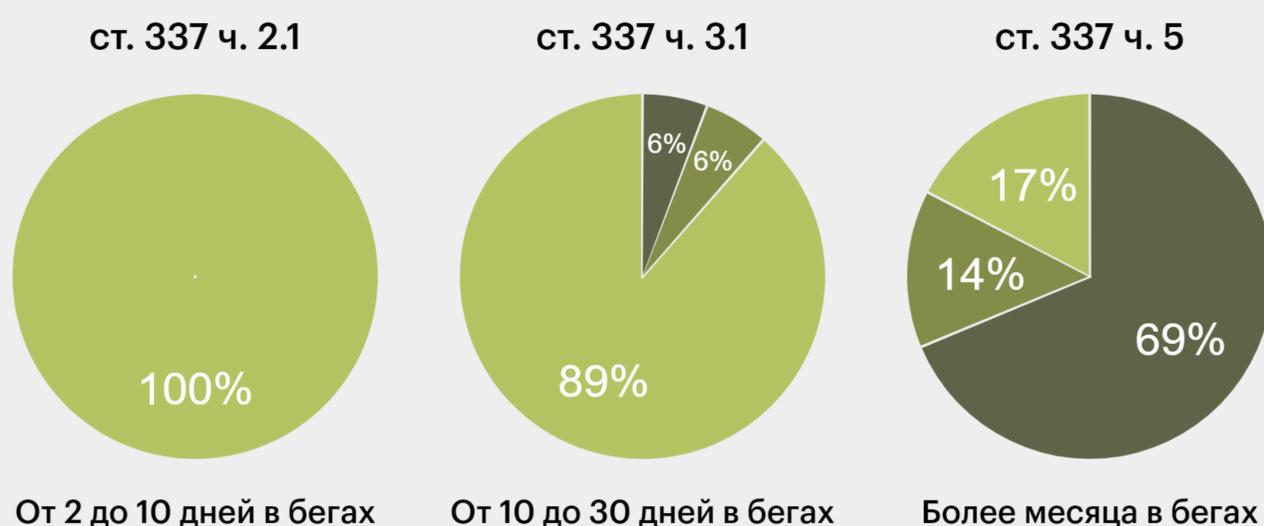
Наказание по статье о самоволке под мобилизацию сильно ужесточили^[16]. В половине изученных дел по 337-й статье военных обвиняют по самой тяжелой, пятой части — 249 дел из 471. Это значит, что военные не являлись на службу больше месяца^[17].

«Медиазона» смогла выяснить назначенное наказание в 86 делах о самовольном оставлении части (всего по ней вынесено уже 225 приговоров). Самые строгие — по 7 лет реального срока (оба вынес суд на Камчатке).

Как наказывают за самовольное оставление части

Медиазона

1–2 года   3–4 года   5+ лет

Данные: сайты гарнизонных военных судов, пресс-релизы, запросы «Медиазоны». Реальные сроки наказания известны для 52 приговоров

Нередко эти сроки условные — «Медиазоне» известно о 31 случае, когда военный получил за самоволку условный срок.

«Все зависит от того, сколько человек бегал, — предполагает адвокат Максим Гребенюк. — Если немножко, то могут и условно отделаться. А вот если часть пятая — больше месяца, там чаще всего реальный назначают. По этой статье на много закрывают, реально закрывают».

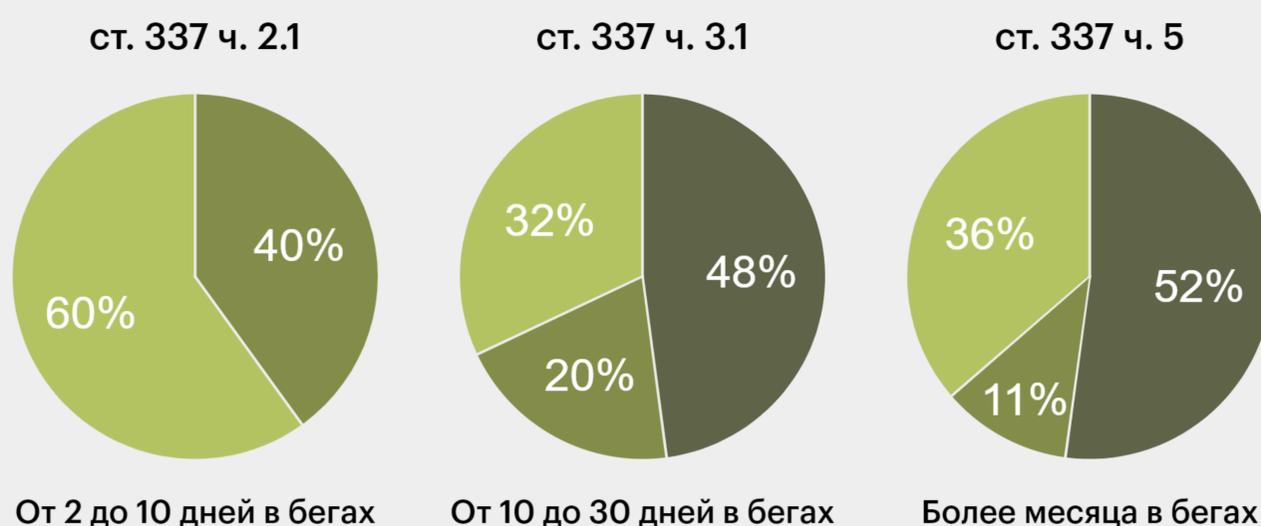
Но собранные «Медиазоной» данные показывают, что даже обвиняемые по самой тяжелой части 337-й статьи часто получают условное наказание.

За самоволку часто дают условные сроки

Медиазона

Это позволяет снова отправить осужденного солдата на фронт

■ Условный
 ■ Колония-поселение
 ■ Общий режим

Данные: сайты гарнизонных судов, запросы «Медиазоны». Данные о режиме и реальном либо условном сроке известны в 79 приговорах

Самые суровые условные сроки назначают в Южно-Сахалинском гарнизонном военном суде: от 6 до 8 лет^[18]. Самый большой условный срок — 8 лет — получил мобилизованный Владимир Зайцев, который отсутствовал в части ровно месяц и сам пришел в военный следственный отдел.

В пресс-релизе уточняется, что судом были «учтены смягчающие обстоятельства». «Назначая наказание, суд исходил из того, что подсудимый Зайцев в судебном заседании заявил о желании продолжить военную службу и убыть в зону специальной военной операции для участия в боевых действиях, тем самым доказать свое исправление», — пишет^[19] пресс-служба.

Условный срок — плохой исход для тех, кто ушел в самоволку именно для того, чтобы избежать участия в войне. Указ Путина о мобилизации не только сделал контракты военных бессрочными, но и оставил им только три основания для увольнения: признание негодным к службе, достижение предельного

возраста службы и наказание в виде лишения свободы. В итоге получившие условный срок солдаты снова отправляются на фронт.

«Раньше такие военнослужащие подлежали увольнению в связи с назначением приговора в виде условного осуждения, — говорит адвокат и автор паблика "Военный омбудсмен" Максим Гребенюк. — Сейчас только реальное лишение свободы позволит уволиться. Если он получил условно и ему опять предлагают участвовать в спецоперации, то в случае отказа либо бегства, соответственно, уже новый приговор. Для тех, кто не планирует опять туда ехать, [получить условное наказание] конечно, хуже».

Юрист Иван Мирный из коалиции «Призыв к совести» отмечает, что и раньше условное наказание было самым частым по 337-й статье, но не с такими «огромными сроками». Теперь же оно превратилось в инструмент для «целей военной кампании» — отправки военных на фронт.

«И им же не нужно, чтобы они сидели в колонии общего режима или колонии-поселении, — говорит собеседник "Медиазоны". — Цель другая: чтобы они шли и своими жизнями осуществляли их политические задачи. И в этом смысле большой условный срок эффективнее, чем реальный: если пойдешь воевать, тебе условное осуждение сохранят, [а не дадут реальное]. Будешь героем — снимут судимость досрочно, и так далее. А если еще раз сбежишь или будешь отказываться, то тебе условный срок заменят на реальные 5-7 лет в колонии».

20-летний псковский десантник Николай Карташев в конце декабря 2022-го получил срок за самовольное оставление части — еще летом он уехал с фронта, чтобы дальше не участвовать в боевых действиях. Через месяц после приговора он уже оказался в Украине и попал в плен.

«Он сказал: "Я в плену, со мной обращаются хорошо, не переживайте". А там [по телефону] сказали, что они на обмен его [пошлют], — рассказывала "Медиазоне" мать контрактника. — Я говорю: "Сына, как так получилось?". А оттуда голос: "Остальные мертвы, хорошо, что он живой"».

Неисполнение приказа. Когда военные прямо отказываются отправляться на войну

В делах о самоволках военные далеко не всегда открыто признают, что сбегают из частей, потому что не хотят оказаться на войне. Куда более однозначны случаи прямого отказа выполнять приказ об отправке на фронт или участии в боевых действиях — их теперь квалифицируют по статье 322 УК.

Рапорты с отказами от участия в войне солдаты начали массово писать почти сразу после вторжения в Украину. В первое время многих действительно просто отпускали домой и потом увольняли. К лету рапорта отказников — тогда их начали массово называть «пятисотыми» — просто складывали стопками у командира или выкидывали, а самых упорных кидали в «ямы» на оккупированных территориях (недавно такую практику решили узаконить^[20]).

После начала мобилизации стали возбуждать уголовные дела по статье о неисполнении приказа, которую к тому времени сильно ужесточили. И это, судя по всему, оказалось действенным способом давления. Сами отказники рассказывают, что многие «смирились и поехали» на войну.

«Весь прошлый год мы видели, что после начала войны в Украине многие военные отказывались от убытия на специальную военную операцию и ни одного дела не было возбуждено за невыполнение приказа. Хотя командиры частей зачастую пытались такие дела инициировать», — напоминает юрист Иван Мирный.

Раньше для преследования за неисполнение приказа требовался существенный вред интересам службы либо тяжкие последствия — их необходимо было еще установить, и в России эту статью использовали довольно редко^[21]. Теперь же этого не нужно, достаточно факта неисполнения приказа «в условиях вооруженного конфликта» или же просто «отказа от участия в военных или боевых действиях».

«Медиазона» обнаружила в военных судах 25 дел по этой статье. По семи делам уже вынесены приговоры (по ним осуждены 13 человек).

Помимо Селиванова и Дегтярева — тех двух мобилизованных, которых показательно задержали перед строем, они получили по 3 года колонии, — мы знаем о камчатском контрактнике Алексее Бреусове (он осужден на год и 8 месяцев), военном из Заозерска (он получил^[22] 2 года и 10 месяцев),

осужденном в Краснодаре Вадиме Бае (он получил^[23] 2 года и 9 месяцев в колонии-поселении) и двоюродных братьях Владимире и Егоре Котовых, служивших в Белогорском гарнизоне на Амуре (они **получили** 3,5 года и 3 года 4 месяца колонии).

Из скупого описания в пресс-релизе можно узнать, что в сентябре 2022 года братья Котовы были в оккупированной части Херсонской области и, «опасаясь за свою жизнь», отказались ехать на передовую, чтобы удерживать «занятые рубежи в батальонных районах обороны для недопущения прорыва противника».

«Они не исполнили приказ и ушли в тыл к нашим войскам. Побоялись за свою жизнь», — **пояснили** РИА «Новости» в суде.

Самое массовое дело о коллективном неисполнении приказа **слушалось** в Новочеркасске, на скамью подсудимых попали сразу пятеро военных^[24]. Они получили от 3,5 до 4 лет реального срока. Обстоятельства дела неизвестны.

«Те, кого обвиняют по 332-й статье, чаще отказываются участвовать в войне по убеждению, — говорит Мирный из "Призыва к совести". — Например, по 337-й^[25] это скорее те, кто не находят в себе силы в военной части свою позицию отстаивать. И это может быть связано не только с самими людьми, но и с теми условиями, которые существуют в части, если командование применяет пыточные, бесчеловечные методы поддержания дисциплины. Но и теми, кто отказался выполнять приказ, не всегда

движут убеждения. Например, в одном известном нам случае военный прямо сказал: "Я испугался, я боюсь, я не готов участвовать в войне". Вполне рациональная причина, просто не сформулирована как убеждения».

Один из таких идейных отказников, которые открыто отстаивают свою позицию и прямо говорят, что не могут участвовать в войне по своим убеждениям, — старший лейтенант Дмитрий Василец.

Старший лейтенант, который «принял философию буддизма». Случай Дмитрия Васильца

Дмитрий Василец стал первым известным фигурантом дела о неисполнении приказа. 27-летний военный служит заместителем командира роты по военно-политической работе в небольшом поселке Печенга в Мурманской области. В марте 2023-го должен был закончиться его пятилетний контракт в армии, но уволиться он попытался еще прошлым летом — сразу после того, как вернулся из Украины, где воевал почти пять месяцев.

«На Харьковском направлении мы были. В прямых боестолкновениях [я не участвовал], где-то за два дня до начала меня прикомандировали к штабу армии, там я занимался в основном работой с документами», — вспоминает он. Штаб располагался недалеко от передовой, так что тоже время от времени был под обстрелами.

Военных, решивших отказаться от участия в боях в Украине, уже тогда было много, говорит Василец. Их не сразу отпускали в Россию, проводили беседы, многих в итоге переубедили. Сам он тогда об

отказе не думал, чувствуя свою ответственность за подчиненных. Первое время он даже испытывал «какую-то злость» к отказникам и не понимал их, признается Василец, но позже свое мнение поменял.

В июле офицер неожиданно для себя получил медаль Суворова и 15-дневный отпуск. Василец решил навестить родственников двух погибших товарищей в Улан-Удэ и Чите. Военный рассказывал, что во время поездки в Бурятию к родителям погибшего сослуживца он «принял философию буддизма», которым давно интересовался и «был знаком с законами кармы»: «Особенно после СВО я окончательно осознал, что то, что мы сеем, то и пожинаем».

На войну решил не возвращаться. «Я приехал в Печенгу и в первый рабочий день сразу пошел к замполиту. Он сказал: "Либо ты едешь, либо ты увольняешься". Я сказал, что я больше туда не поеду и буду увольняться», — вспоминает Василец.

В августе он написал рапорт о том, что отказывается выполнять приказ, и ушел в отпуск на 140 суток^[26]. Василец вспоминает, что спокойно готовился к увольнению, но тут объявили мобилизацию.

Старшего лейтенанта вызвали в часть, вместе с другими офицерами построили на плацу и начали запугивать, вспоминает Василец: либо все они возвращаются на фронт, либо окажутся в тюрьме. Военный говорит, что в их части отказникам грозили большими сроками^[27].

«Я думаю, что они же эти поправки [в законы] делали не для того, чтобы посадить как можно больше людей, а именно с целью психологического давления на человека. И это у них получилось на самом деле. Потому что многие контрактники потом собрали вещи и поехали туда», — говорит офицер.

Сам же Василец снова подтвердил отказ, и 19 октября против него возбудили уголовное дело. По словам военного, приказ об отправке на войну до него в итоге доводили четыре раза, в том числе после возбуждения уголовного дела. В последний раз в январе командование снимало его на камеру: «Сейчас пошла эта практика — записывать на камеру. Наверное, чтобы было легче доказывать вину человека, чтобы на суде можно было посмотреть».

Василец говорит, что некоторые военные, получив приказ об отправке в Украину, ищут разные возможности, чтобы не убывать туда, например, добиваются права на реабилитацию или отпуск, а отказы обжалуют в суде. Но лично он решил сразу и прямо говорить о своих антивоенных мотивах: «И для себя я считаю это правильным. Либо да, либо нет, вот и все».

Его адвокат Эльвира Тарасова тоже отмечает, что далеко не всегда военные выступают с таких откровенно пацифистских позиций. «У Васильца очень яркие мотивы, — говорит она о деле своего подзащитного. — Он создал высокую планку для людей, человек стал пацифистом, потому что многое пережил и пришел к этим убеждениям через личный боевой опыт».

Сослуживец Дмитрия, военный врач Денис Васильев, стал обвиняемым по такому же делу в конце января. Васильев — лейтенант медицинской службы, летом прошлого года он выпустился из военной академии, а в сентябре его уже решили отправить на фронт.

«Он говорит: "Я просто морально не готов". Это личные убеждения человека, он готов лечить людей, но не участвовать в боевых действиях. Хотя возражать могут: это же медик! Но им тоже выдается оружие, они тоже участвуют в боевых действиях, их тоже направляют на передовую», — рассказывает Эльвира Тарасова, которая взялась защищать и молодого врача.

После отказа от приказа в начале осени Васильева тоже должны были уволить за нарушение условий контракта. Указ о мобилизации сделал увольнение невозможным, но руководство медицинской службы Северного флота, по словам защитницы, нашло выход: молодому врачу предложили поехать в командировку на Землю Франца-Иосифа, и он с готовностью согласился.

«Он уже спокойно ждал своего перевода. И тут ему снова объявляют приказ о направлении туда, — говорит Тарасова. — Командование же понимало, что он из тех, кто уже отказался, и вопрос по переводу уже решен. И тем не менее издают еще один приказ. Он отказывается и от него. И тогда против него возбуждают дело».

Дело медика Дениса Васильева пока расследуется. Дело лейтенанта-буддиста Дмитрия Васильца скоро должны передать в суд.

Бегут с фронта «для сохранения своих жизней и здоровья». Кого обвиняют в дезертирстве

Статью о дезертирстве тоже ужесточили в сентябре. В суды, как выяснила «Медиазона», передали уже 14 дел-^[28] о дезертирстве в период мобилизации. Приговоры вынесены пока только по трем из них.

Дезертирство от самовольного оставления части отличается умыслом, объясняет юрист «Призыва к совести» Иван Мирный. «337-я — это когда у военного умысел временно уклониться от службы, "отдохнуть", а 338-я — когда умысел вообще перестать служить навсегда. Он должен, конечно, находить отражение в действиях, — говорит Мирный. — Либо в показаниях привлекаемого к ответственности имеется такая позиция, либо его действия указывают на это. Например, его задержали при попытке пересечения границы или с поддельными документами».

Юрист отмечает, что на практике статья за дезертирство встречается «в разы реже», чем самоволка: доказать, что человек намеревался вообще избежать военной службы, сложнее, чем установить, что он отсутствовал в части какое-то время.

В конце прошлого года восемь мобилизованных калининградцев **сбежали** из места дислокации их роты в самопровозглашенной ЛНР, после того как их попытались бросить на передовую без подготовки и фактически без оружия.

По словам военных, у них не было нормального командования, а один из офицеров только пил и затевал драки. Мобилизованные были предоставлены сами себе, их почти не кормили, катастрофически

не хватало еды. Подполковник Александр Завадский встретился с мобилизованными в свой полк лишь однажды — и сразу пообещал, что если они будут «позорить» подразделение, то солдат могут «в лесу застрелить и закопать».

Узнав о скорой отправке на передовую, восемь калининградцев решили вернуться домой «для сохранения своих жизней и здоровья». Добираться до России им пришлось через минные поля.

В итоге против мобилизованных возбудили дело о дезертирстве (часть 3 статьи 338 УК). Одного из них — следствие сочло его организатором — отправили в СИЗО, остальных держат в воинской части в Подмосковье. Им грозит от 5 до 15 лет лишения свободы.

О приговорах за дезертирство и обстоятельствах совершенных преступлений суды говорят с еще меньшей охотой, чем о самоволках. Именно такое дело судья Мурманского суда Загорский назвал «резонансным», объяснив свой отказ раскрывать какие-то детали опасением, чтобы «в какой-то Пиндосии не рассказывали».

«Медиазона» выяснила, что Максим Малышев, о приговоре которому отказался говорить судья Загорский, получил 6 лет строгого режима. «Он через следовую полосу попытался пересечь границу [с Финляндией], — рассказал собеседник "Медиазоны", знакомый с делом. — Но за это ему назначили всего 50 тысяч штрафа. [За дезертирство] судья дал близко к пяти — минимальному наказанию».

«Накапливается — потом бац!». Статья о нападении на командира

Еще одна статья, которую начали достаточно часто применять против возмущенных военных, — применение насилия к командиру в период мобилизации (часть 3 статьи 334 УК). Самым известным подобным случаем было дело 40-летнего мобилизованного Александра Лешкова: он ударил подполковника Дениса Мазанова во время спора в подмосковном учебном центре «Патриот».

«Что это, блядь, такое происходит? Элемент чего, блядь? Да на хуй он мне нужен? Мы на войне строем будем ходить, блядь?» — бушевал Лешков, выглядевший значительно внушительнее офицера.

Учения он называл «профанацией» и «имитацией», а собравшиеся вокруг военные активно поддерживали товарища. «Один раз мы были на полигоне для стрелков, все остальное время мы на танковом полигоне занимаемся дрочью!» — кричал мужчина.

Он пригрозил прийти в штаб и «ломать всем конечности», обвиняя командование в саботировании «указов главнокомандующего». Офицер пытался оправдаться, но в конце концов распаленный Лешков толкнул его кулаком в грудь. Когда Мазанов несколько раз тихо повторил, что не нужно так делать, мобилизованный процедил: «Я ща въебу, у тебя башка отлетит, на хуй, я мастер спорта, блядь».

Видео спора мгновенно разлетелось по сети. Через два дня мобилизованного арестовали по двум статьям^[29]: применение насилия в отношении вышестоящего

военнослужащего в период мобилизации и его оскорбление. В январе гарнизонный военный суд назначил Лешкову 5,5 лет колонии, но прокуратура посчитала приговор слишком мягким — в феврале наказание ужесточили до 7 лет.

Статью о применении насилия в отношении командира тоже ужесточили после объявления мобилизации, теперь по ней грозит от 5 до 15 лет^[30] лишения свободы.

«Медиазона» насчитала уже 22 таких дела в военных судах. В двух случаях — в Ростове-на-Дону и Пскове — в нападении на командира обвиняются сразу по три человека.

По 11 делам уже вынесены приговоры.

Мобилизованного Станислава Рыбина, к примеру, приговорили к 6 годам строгого режима — его судили за нападение на офицера и угрозу убийством^[31]. Как рассказывала «Новая вкладка», Рыбина мобилизовали из маленького омского поселка Большегривское. Командир, по словам его адвоката, постоянно заставлял солдат переезжать из одной казармы в другую, в роте «нарасталось недовольство», и во время ссоры Рыбин пригрозил офицеру ножом. По версии следствия, мобилизованный толкнул офицера в грудь, повалил его на кровать и приставил ему к горлу нож.

«Ребятам по 30–40 лет, большая часть с гражданки, они просили: дайте нормальных знаний, умений, а не стройте на плацу ради "здравия-желаю-товарищ-командир!", — говорил

защитник. — Знаете, как бывает? Накапливается — потом бац!».

По каким еще статьям судят военных

Совсем пока экзотические статьи, тоже ужесточенные из-за мобилизации, — это уклонение от службы путем симуляции болезни (часть 3 статьи 339 УК), сопротивление командиру (часть 3 статьи 333 УК) и нарушение устава несения внутренней службы и патрулирования в гарнизоне (часть 3 статьи 344 УК).

«Медиазона» нашла в судах лишь по одному-два дела на каждую из этих статей. Военному, обвиняемому в нарушении устава^[32], уже вынесли приговор, однако в Ростовском гарнизонном суде назвать срок наказания не смогли.

***

С каждым месяцем гарнизонные суды рассматривают все больше дел по мобилизационным статьям. Уже к 21 марта в суды поступило рекордное число дел о самовольном оставлении части — больше, чем когда бы то ни было.

Несмотря на жесткие сроки, которые предусматривают эти статьи, многие получают условное наказание — это позволяет снова отправить осужденного мобилизованного или контрактника на фронт.

В итоге самая выгодная для идейного отказника стратегия — это не бегство, а открытый

отказ выполнять приказ об отправке в Украину, высказанный еще на территории России. Сроки по этой статье ниже, часто в колонии-поселении. Мы отдельно публикуем советы юристов и правозащитников о том, как лучше поступать военным, которые не хотят попасть на фронт.

После публикации предыдущего материала о судах над отказниками — они тогда только начинались — Верховный суд убрал из публичного доступа статистику о преступлениях против воинской службы.

Уже во время подготовки этого нового исследования «Медиазона» заметила, что с сайта Камчатского гарнизонного военного суда пропали^[33] все карточки дел по военным статьям УК. В пресс-службе не смогли ответить на вопрос о причине исчезновения, но если это не случайность и не технический сбой, возможно, вскоре они пропадут и с сайтов других судов, и мы больше не сможем узнать, сколько еще военных попадет под суд за отказ погибать на войне с Украиной.

Текст: Анна Павлова

Данные: дата-отдел «Медиазоны», Анна Павлова

Инфографика: дата-отдел «Медиазоны»

Редактор: Егор Сковорода

Embed Wrapper Not Realised

Embed Wrapper Not Realised

Embed Comment Not Realised

1. Небольшой закрытый отсек внутри автозака размером с телефонную будку. Как правило, там можно только сидеть или невозможно встать в полный рост.
2. Судя по времени задержания, которое называет следователь, Дегтярева увели в автомобиль раньше Селиванова, однако видео было смонтировано не в хронологическом порядке.
3. Часть 2.2 статьи 332 УК.
4. Мы собрали информацию с сайтов гарнизонных военных судов, поговорили с адвокатами и подсудимыми, получали данные из пресс-релизов и запросов в пресс-службы судов.
5. Пункт 2.1 статьи 332 УК.
6. Имя изменено. Юрист попросил не указывать его настоящее имя по соображениям безопасности.
7. Полностью формулировка звучит так: «в период мобилизации или военного положения, в военное время, либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий».
8. Обычно они публикуются на сайте суда, иногда — в телеграм-канале пресс-службы или направленном в местные СМИ пресс-релизе.
9. То есть под грифом ДСП («Для служебного пользования»).
10. «Для служебного пользования».
11. Поскольку военный ушел в самоволку еще до объявления мобилизации, суд переквалифицировал его обвинение на более мягкую, четвертую часть 337-й статьи и назначил 1,5 года условно.
12. В августе Ахметов все же приехал на службу, написал рапорт об увольнении, желая «в дальнейшем восстановиться на военной службе в городе Омске», и, не дожидаясь решения командования, снова уехал.
13. Суд в Омске назначил ему 5 лет и 3 месяца условно за самовольное оставление части.
14. Когда она увидела его в первый раз, «вместе с ним находились несколько мужчин в военной форме».
15. Попросил не указывать его имени.

16. За отсутствие в части во время мобилизации от 2 до 10 суток (часть 2.1 статьи 337 УК) теперь грозит до 5 лет лишения свободы (раньше было до года). От 10 суток до месяца (часть 3.1 статьи 337 УК) — до 7 лет лишения свободы (раньше — до 3 лет). Больше месяца (часть 5 статьи 337 УК) — от 5 до 10 лет колонии (раньше максимальное наказание было 5 лет).

17. Иногда дело не ограничивается одним эпизодом самоволки, в нескольких делах военных обвиняют еще по другим статьям. В пяти случаях суды самостоятельно переквалифицировали 5-ю часть на 4-ю — это значит, что человек ушел в самоволку еще до мобилизации.

18. Из пяти известных приговоров в этом суде в трех случаях назначили по 6 лет условно и по одному — по 7 и 8 лет условно.

19. Такая же формулировка использована в деле другого военного, Игоря Яценко, которого тот же судья за двухнедельное отсутствие приговорил к 6 годам условно по более легкой части 3.1 статьи 337 УК.

20. В начале февраля в Госдуму внесли законопроект, который позволит командирам применять «дисциплинарный арест» к военнослужащим без решения суда — такими полномочиями предлагается наделить командиров воинских частей и начальников органов военной полиции. Пока решение о дисциплинарном аресте на гауптвахте может вынести только военный суд. Поправки уже прошли второе чтение.

21. На сайтах 15 военных судов «Медиазона» обнаружила всего 66 дел по этой статье с 2011 года по 2018-й. Мы искали только в тех судах, в которых сейчас рассматривают дела по статьям, ужесточенным после мобилизации.

22. Информацию «Медиазона» получила из проверенного источника, но по договоренности называть его не может. Однако имени солдата узнать не удалось — суды Мурманской и Архангельской областей их просто не публикуют, это не связано с войной или мобилизацией, такая практика в этих регионах была всегда.

23. Сообщили «Медиазона» в пресс-службе суда. Бая судили по двум эпизодам статьи 332 (один по части 1, то есть неисполнении приказа до ужесточения статьи после мобилизации, другой — по части 2.1).

24. Антон Замятин, Андрей Коныгин и Александр Малыгин получили по 3 года и 9 месяцев в колонии. Булат Хакимов получил 3,5 года, а Ярослав Федорук — 4 года. Все они обжаловали приговор.

25. Самовольное оставление части.

26. Столько дней отпуска ему насчитали за участие в войне.

27. Самая тяжелая часть 2.2 статьи 332 наказывает за групповое невыполнение приказа либо «причинившее существенный вред интересам службы». Она предусматривает от 3 до 10 лет лишения свободы. Пока известно только два приговора: все те же Дегтярев и Селиванов, получившие по 3 года колонии, и братья Котовы, которым назначили сроки до 3,5 лет.

28. Троих военных, помимо дезертирства, обвинили в незаконном пересечении границы (часть 1 статьи 322 УК). Еще одному вменили также статью о применении насилия к представителю власти (часть 1 статьи 318 УК).

29. Часть 3 статьи 334 и часть 2 статьи 336 УК.

30. Раньше же по самой жесткой второй части этой статьи давали до 8 лет.

31. Часть 3 статьи 334 и часть 2 статьи 119 УК.

32. Его также обвинили по части 3 статьи 335 УК — нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, — однако она не была дополнена и ужесточена после мобилизации.

33. Все данные мы сохранили.